

СИНДРОМ ДЬЯВОЛА

Константин Сердцев

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Константин Сердцев
Синдром дьявола

«Автор»

2025

Сердцев К. Н.

Синдром дьявола / К. Н. Сердцев — «Автор», 2025

Мрачное психологическое путешествие в бездну человеческой души, где грань между светом и тьмой стирается. Герой, запертый в провинциальной изоляции во время пандемии, открывает в себе первобытную жажду власти через жестокость после случайной драки. Его жизнь раскалывается: демоническая сила дарует эйфорию, но губит любовь, творчество и саму человечность. От деревенских пьянок до театральных подмостков, от музыкальных студий до эмиграции в Сербию — он ищет спасения от внутреннего зверя, но демоны прошлого преследуют его даже на чужбине. Финал — экзистенциальная битва за душу, где ставка — не просто жизнь, а право остаться человеком.

© Сердцев К. Н., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1	5
В которой моя душа раскалывается на две половины	5
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Константин Сердцев

Синдром дьявола

Часть 1

В которой моя душа раскалывается на две половины

Кровь. Ее вид, будь то свежий порез на нежной коже или ржавое пятно на бетоне, словно игла вонзается в мои глаза, вызывая волну тошноты и головокружения, близкого к обмороку. Но ту единственную, драгоценную каплю алой жидкости, которую я сам добыл из человеческого тела, вырвал кулаками из живого существа, я не забуду никогда.

Этот момент оказался ключом, повернувшимся в скрипучем замке моей души и распахнувшим тяжелую, запертую на вековые засовы дверь. Дверь в темный запретный мир, где воздух пахнет железом и адреналином, где тени шепчут древние истины, и где я, к своему ужасу и восторгу, впервые почувствовал себя по-настоящему живым. Почувствовал силу, текущую по венам вместо крови.

Это было несколько лет назад, в скромном селе на границе государств, где во времена пандемии, я со своими приятелями-односельчанами оказался на изоляции. Каждый день, как по расписанию безумия, мы собирались в заброшенном домике, затерявшемся в самом сердце поселка. Это ветхое строение стало нашим убежищем, крепостью и клеткой на долгие, растянувшиеся в вечность шесть месяцев всеобщей изоляции. Воздух здесь был густым, тягучим, как патока, пропитанным сыростью и плесенью, ввевшейся в самые стены, едкой табачной копотью, оседающей на языке, и перегаром – сладковато-кислым дыханием распада и бегства от реальности. Запах въедался в одежду, в волосы, в легкие, становясь частью нас самих. Застывшие на скрипучих неровных половицах липкие пятна были немymi, но красноречивыми свидетелями бесчисленных ночей, пролитых вместе с дешевым алкоголем, ночей смеха, споров, откровений и молчаливого отчаяния. Эти пятна были картой наших падений и взлетов, нарисованной пивом, вином и чем-то покрепче.

Домик был заброшен давно, наверное, еще до нашего рождения. Снаружи – заросший высокой травой и завален многолетними сухими ветками. Время и безразличие съели его краску, покосили стены, заставили стекла в окнах покрыться паутиной трещин. Но мы – дружная, нестройная компания друзей, потерянных по жизни, но нашедших друг друга в этом хаосе, – сделали из этого места свой балаганчик¹, привели его в порядок, насколько это было возможно. Выкосили всю траву, почистили дорожки, занесли ненужную мебель, ковры, посуду из собственных домов. Как в детстве, когда строили шалаши из веток, досок и всего, что могло сойти за строительный материал. Только сейчас это был не временный навес, а почти полноценный дом. Дом, где мы чувствовали себя хозяевами, где стены были нашими полотнами, испещренными надписями, рисунками, философскими изречениями и матерными стихами – всем, что рождалось в наших уже взрослых, но все еще бунтующих головах. Мы были студентами, застрявшими между юностью и зрелостью, и этот дом стал нашим переходным мостом, нашим ковчегом.

Чередую пьянки с друзьями в липкой темноте вечеров и тяжелым, изматывающим до седьмого пота деревенским трудом под беспощадным солнцем, питаюсь простой, но удивительно сытной натуральной пищей, я становился крупнее, тяжелее и сильнее. Тело, прежде

¹ Балаганчик – временная легкая деревянная постройка для жилья и зрелищ

худощавое и угловатое, покрупнело, налилось силой. Она бурлила внутри, как кипящая лава, требовала выхода. Я пытался гасить ее спортом – изматывающими пробежками по проселкам, подтягиваниями на кривой ветке старой яблони во дворе, ударами кулаков по мешку с песком, что висел в сарае. И пьянками. Парадоксально, но алкоголь и спорт не гасили этот огонь, а словно подливали масла. Они снимал тормоза, высвобождая ту самую дикую мощь, которую нужно было куда-то девать, выплеснуть, израсходовать, пока она не разорвала меня изнутри. Это было похоже на попытку потушить костер бензином – пламя взмывало выше, жарче, опаснее.

Как среднестатистический деревенский гуляка, задыхающийся от избытка сил и отсутствия перспектив, я искал драки. Любой повод был хорош. Мне нужно было высвободить того зверя, что сидел внутри, скребя когтями по ребрам, рыча в такт ударам сердца. Я не скрывал этого желания, этого напряжения. Иногда даже намеренно провоцировал ситуации на грани: в местном баре, на деревенской танцплощадке, в разговорах, задевая за живое, бросая вызов взглядом. Мои кулаки чесались, жаждали работы, жаждали ударить, сломать, почувствовать сопротивление плоти и кости. Но судьба – эта старая насмешница – распорядилась иначе.

Первым, случайным образом, под мою горячую незнающую меры руку попался не чужак, не обидчик, а человек из моей же компании. Из нашего маленького, пьяного мира.

Поздняя ночь, заколдованная и непроницаемая, таила в себе не только загадку своего рождения, но и дышала глубокой, древней тайной той силы, что вибрировала сейчас в самом воздухе. Мы, уязвимые опьянением, были перед ней обнажены, как на ладони. Над домом шумел странный, сухой дождь – лишь шелест тополей, будто невидимые пальцы перебирали страницы незримой книги. Луна, холодная и отстраненная, выводила причудливые тени проводов на бледных крышах, превращая их в застывшие нотные знаки на партитуре ночи. Звезды, мириады немигающих очей, наблюдали за нами с ледяной высоты, настойчиво подзывая с востока грозные облака. Но те, тяжелые и недвижимые, словно вырезанные из черного бархата, не спешили накрыть землю своим покровом. Они висели на самом краю горизонта, огромные и безмолвные, как спящие чудовища, лишь изредка озаряясь изнутри глухим, багровым отсветом далекой, невидимой грозы. Воздух густел, насыщаясь запахом озона и пыльной земли, жаждущей влаги, но не получающей ее. Каждый вдох обжигал легкие предчувствием, а по коже бежали не мурашки, а словно крошечные, колючие искры статического напряжения. Сама тишина вокруг сгущалась, становилась осязаемой, как плотный туман, заглушая даже привычные ночные шорохи – будто мир затаил дыхание перед чем-то неотвратимым. Даже стены домов казались напряженными, впитывая эту немую тревогу, исходящую от застывшего неба и таинственной силы, пульсирующей в самой сердцевине ночи.

В комнатке между основным «пировальным» залом и курилкой в пьяном кураже была разбита бутылка, на которую наступил белокурый парень, босой ногой. Молча перетерпев боль, он двинулся в мою сторону, не выясняя как осколки стекла оказались под его ногой. Под влиянием огромной, запредельной дозы алкоголя, мой приятель, не случайным образом, а с каким-то озверевшим остервенением, нанес мне удар, со злости, я просто оказался ближе. Не толчок, не пощечину – удар. Кулак, тяжелый и неожиданный, пришелся в пах. И тогда все перевернулось... Мир накренился набок, как наша пьяная избушка.

Меня захлестнула сначала волна чистой, неразбавленной злости. Будто сама кровь в моих жилах, спокойная и темная секунду назад, превратилась в раскаленную сталь, и потребовала выхода. Голос ее был низким, громким, зовущим. Он пел неведомую, первобытную песнь, мелодию разрушения и власти, которую я не мог игнорировать. Ее голос был подобен заунывному вою ночного ветра, что пробирается сквозь щели, проникает в самые темные, заброшенные уголки сознания, срывая покровы иллюзий, приличий, человечности. В этом шёпоте было нечто чуждое, древнее, бесконечно старое, как песни сирен, затерянные в трещинах времени, как зов далеких предков, пивших кровь врагов из черепов. Я не стану подробно описывать саму

ситуацию – она меркнет, тускнеет, как дешевая фотография на солнце, перед бурей чувств, которые обрушились на меня в тот миг. Это был ураган, сметающий все на своем пути, выкорчевывающий с корнем все, что было посажено культурой и воспитанием.

Сначала это была ярость. Горячая, слепая, всепоглощающая. Как пламя, пожирающее сухую траву, она охватила мои мыслительные процессы, выжигая доброту, смирение, жалость. Оставляя лишь горький, едкий пепел от моей прежней, такой хрупкой морали. Она пылала в груди, раскаляя докрасна, превращая сердце в кузнечный горн. Затем, почти сразу, следом за яростью, пришло другое чувство – бессилие. Я не мог сопротивляться ей. Не хотел. Моя злость, как древний зверь, дремавший в глубинах тысячелетий, пробудилась из векового сна голодной и свирепой. И в ее когтистых, не знающих пощады лапах оказался мой приятель. Он перестал быть другом. Он стал добычей. Мишенью. Способом утолить этот неведомый голод.

Удары сыпались, как град из свинцовых туч. Каждый из них был словно молния, рассекающая небо моей прежней жизни, оставляя после себя только огонь и разрушение. Я не соизмерял силу, не видел лица, только мишень – тело, которое нужно было подчинить. Кровь брызнула, пачкая мою футболку и руки. Я чувствовал ее металлический привкус на губах. Чем дольше длилось это, тем сильнее меня охватывало странное, почти пьянящее чувство. Это был не сахар и не мед – это был чистый, неразбавленный эндорфин, вливающийся напрямую в мои вены, как запретный эликсир, пробуждавший дремавшие в глубине инстинкты и темные желания. В тот момент, сквозь пелену ярости, мне показалось, что на меня смотрит чей-то невидимый взгляд. Множество взглядов. Далеких, равнодушных, как звезды, но невероятно внимательных. Стены реальности дрогнули, как декорации, и дали трещину. Я чувствовал себя странно, будто нечто безымянное, живущее во тьме, наблюдает за мной, за этим актом насилия, и испытывает неведомое, жуткое ликование. Мои невидимые зрители льстили мне своим вниманием, своим одобрением, и я находил в этом еще больше наслаждения, словно гладиатор на арене.

И когда мой противник, сломленный, рухнул на колени посреди скрипучих половиц, я понял что-то фундаментальное. Это лишь начало. Я хотел снова и снова ощущать этот металлический привкус, этот дикий всплеск адреналина, заставляющий сердце колотиться, эту власть над человеческим бессилием. Власть, пусть и иллюзорную в тот момент, но такую сладкую.

Я уже не смог искренне извиниться перед ним. Слова застряли комом в горле, фальшивые и пустые. Я только стоял и смотрел. Я стоял, тяжело дыша, слушая не всхлипы поверженного, а ликование той самой воображаемой толпы невидимых зрителей.

В окружающих меня взглядах друзей, замерших в оцепенении, я не получил ни упреков, ни осуждения, ни даже страха. Напротив, сквозь дымку адреналина и остатков ярости, я уловил в их глазах то, чего раньше никогда не замечал: уважение. Грубое, первобытное, но настоящее. Смешанное с возбуждением, с азартом наблюдателей этого «спектакля». На короткое, но ослепительно яркое время я стал для них не просто человеком, товарищем по выпивке – я стал символом необузданной силы и животной власти. Они осторожно окружили моего оппонента, начали умывать его лицо тряпкой, смоченной в ведре с водой, которое с грохотом нашли где-то в кладовке, приговаривали что-то успокаивающее, но при этом не сдерживая одобрительных, понимающих улыбок, украдкой посматривая в мою сторону. Мой соперник, как выяснилось, не был близким другом никому из присутствующих. Он был чужим среди своих: частенько едко шутил, его раздражающий, громкий смех резал слух, его замечания бывали обидны. Поэтому остальные собравшиеся в тесной, прокуренной комнатке, беспокоились о нем без фанатизма, скорее по обязанности, чем от души.

Спустя минуту, после громкого падения сдавшегося тела и грохота, раздавшегося от слишком крепких половых досок, в помещение ввалились все, кто мог услышать шум драки. Среди вновь прибывших была молодая девушка – Анастасия. Длинные волосы цвета спелой пшеницы, почти золотистые, обрамляли лицо с выразительными, огромными глазами цвета

темного меда и не менее выразительными губами – полными, чувственными, по изгибу которых я, кажется, научился читать мысли и чувства с первого взгляда.

Единственная девушка среди небольшой толпы таких же молодых парней, до этого всегда казавшаяся мне холодной, отстраненной, недоступной, будто высеченной из мрамора, вдруг преобразилась. Она покраснела, не от стыда, а от какого-то внутреннего жара. И ее глаза... ее глаза загорелись. Загорелись тем странным, нездешним огнем, что напомнил мне пламя костра, увиденного недавно на границе сна и яви – пламя, зовущее и опасное. По ее губам, слегка приоткрытым, по едва заметной дрожи в уголках, можно было безошибочно прочесть растерянность, смешанную с чистым животным возбуждением от демонстрации доминирования.

Она медленно, будто в трансе, подошла ко мне, скрывая свои намерения подойти еще ближе. Ее прикосновения к моим плечам, к пятнам крови на груди, были дрожащими, но полными не испуга, а какого-то неистового желания. Она тоже не смогла сдержать своего восхищения, своего странного, извращенного восторга. Ее пальцы скользнули по моей окровавленной футболке, оправдываясь тем, что одежду нужно срочно замочить в холодной воде, пока пятна не въелись. Но в ее глазах, в ее сбивчивом дыхании не было заботы о ткани. В тот момент я был для нее не человеком, не парнем из компании. Я был Аресом², сошедшим с небес на эту грязную, пропахшую перегаром землю, чтобы показать свою нечеловеческую мощь.

И я сам, глядя в ее горящие глаза, почувствовал это всем существом: моя жизнь уже никогда не будет прежней. Она словно Афродита, которая что-то сломала внутри меня.

С тех пор во мне неутолимая жажда снова разжечь этот адский огонь, снова пробудить того зверя, что лишь на мгновение высунул морду из своей темной берлоги. Какими средствами, через какие жертвы и испытания я этого добьюсь – пока загадка. Но с ледяной ясностью я знаю одно: мой истинный путь начался именно в тот кровавый миг в прокуренной избе, и остановить меня теперь сможет только смерть.

Я больше не боюсь крови. Тот мелкий, гнетущий страх, который когда-то сковывал мои движения, парализовывал волю, сгорел дотла в пламени ярости и жажды. Я хочу нести этот огонь дальше. Чувствовать его отголоски в других, видеть, как он отражается в их глазах. А еще страх, восхищение и покорность. Я жажду боли и крови своих врагов, настоящих или воображаемых. Эта жажда стала моим новым компасом.

Тот вечер пробуждения зверя, застыл в моем сознании, как муха в янтаре. Всё изменилось, не с грохотом обрушившихся стен, а тихо. Очень тихо. Как поворот скрипучего дверного ключа в замке, который долго не поддавался, а потом вдруг щелкнул, открывая неведомое пространство.

Позже, когда все утихло, а злоба – эта едкая, обжигающая душу жидкость – испарилась, оставив после себя лишь горьковатый осадок и странную пустоту, я очнулся. Будто вынырнул из огненной, кипящей реки Стикса, обожженный, но живой. И увидел себя заново, как в первый раз: будто кто-то невидимый, но могущественный, стёр с моих глаз толстый слой пыли, налипшей за годы обыденности, и мир внезапно заиграл новыми, невероятно яркими красками.

Все чувства обострились, разгорелись с новой силой, но теперь это был иной огонь. Все стало острее, ярче, контрастнее, яростнее в своей красоте.

Вино, прежде просто кисловатый, дешевый напиток, способ уйти от реальности, теперь обжигало губы терпкой, сложной сладостью, оставляя на языке послевкусие тайны, обещаний, каких-то откровений. Каждый глоток был событием.

Музыка, доносящаяся из колонки и бывшая просто белым шумом для пьяных разговоров, вдруг зазвучала! Зазвучала так, будто в каждой ноте, в каждом аккорде пряталась целая

² Арес – олимпийский бог войны в древнегреческой мифологии

вселенная эмоций – то безудержно веселая, то пронзительно горькая, но всегда невероятно живая, дышащая. Я слышал игру каждого инструмента, чувствовал вибрацию басов грудью. Даже тусклые лампочки гирлянды, растянутой по стене, эти жалкие, мигающие светлячки в паутине проводов, теперь лили не просто свет, а мягкий, теплый, медовый поток, лаская глаза, создавая ауру интимности и тайны в прокуренной комнате. Каждая пылинка в луче света казалась драгоценной.

А сердце... сердце стало больше. Горячее. Энергичнее. Словно его наполнили не кровью, а расплавленным золотом, тяжелым, сияющим, дающим невиданную силу. Оно билось мощно, уверенно, как молот кузнеца, отдаваясь гулким эхом во всем теле. И тогда, сквозь этот хаос новых, обостренных до предела ощущений, сквозь сладкое головокружение от алкоголя и музыки, ко мне вернулось давно забытое, почти детское чувство – любовь. Не та робкая, неуверенная тень влюбленности, что мелькала раньше, а настоящая. Густая, как выдержанное вино, опьяняющая, как запах цветущих яблонь в теплую майскую ночь, всепоглощающая и бесстрашная. Она накрыла меня с головой, как волна.

Анастасия, примостившись рядом на старом диване, лежала на моей груди, дышала горячо и часто, ее дыхание шекотало кожу у шеи. Ее пальцы, легкие, невесомые, как крылья мотылька, трепетно касающегося цветка, скользили по моим плечам, по ключицам, оставляя за собой невидимые, но жгучие следы. В ее прикосновениях не было ничего случайного. Я уже знал, с абсолютной, не требующей доказательств уверенностью, что она станет моей. Не думал об этом, не гадал, не строил планов – просто знал. Как знают, что солнце взойдет утром, что трава зеленая. Это было predetermined тем самым вечером, той силой, что вырвалась наружу и привлекла ее. Возможно, на её месте, в иной жизни, могла оказаться другая – история знает миллионы таких подмен, случайностей, – но провидение, этот старый, ироничный шутник, подсунуло мне именно её. В тот самый момент, когда моя душа, оголенная и очищенная яростью, распахнулась, как парус, готовая принять что-то новое.

Среди шумной компании, среди этих криков, смеха, звонких тостов и споров, я не подавал виду. Сохранял спокойную, чуть отстраненную маску. Пусть думают, что я просто ещё один весельчак в этом бесконечном карнавале жизни, слегка уставший. Но внутри бушевал триумф – дикий, сладкий, опьяняющий. Я чувствовал себя победителем не только в той дурацкой драке, но и в чем-то большем. Завоевателем. Тем, кому судьба наконец-то улыбнулась, обнажив при этом зубы в хищной, но невероятно прекрасной ухмылке. Я не хотел ничего менять в этом моменте. Ни музыки, ни людей вокруг, ни вкуса вина на губах, ни тепла ее тела рядом. Только хотелось, чтобы этот час, это ощущение полета и обладания, длилось вечно. Чтобы время остановилось.

Где-то в глубине, под слоями повседневности, под маской обычного парня, пульсирует затаённый огонь. Он дышит во мне, как живой, как зверь, которому дали однажды вкусить сладость свободы, но потом снова посадили в клетку из условностей и страха.

Желание видеть алую реку, струящуюся из ран, слушать её вязкий, булькающий шёпот, чувствовать, как она липнет к пальцам, теплая и живая, – это не просто мимолетная мысль или воспоминание. Это первобытный зов, вросший в самые кости, просочившийся в каждую каплю крови, ставший частью моего дыхания, моего существа. Я, как будто, помню своих самых яростных и кровожадных предков не по книгам, а по ощущению. Я не просто помню их подвиги – я словно вспоминаю эти моменты каждый день, даже если вокруг тишина и только ветер стучит веткой в окно.

Но я не хочу быть рабом этого голода. Не хочу, чтобы мир видел во мне лишь зверя, которого неудержимо тянет к бойне, к разрушению. Должен быть другой путь. Более чистый, более возвышенный, более мирный на вид, но не менее сильный по сути. Если этот огонь нельзя погасить, не уничтожив себя вместе с ним, то его можно – нужно! – перенаправить. Как бурную реку в новое русло.

Я бы нашел что-то, что сможет наполнить меня до краев так же всепоглощающе, как наполняло в тот миг. Что-то, что заставит сердце биться с той же бешеной частотой, кровь гореть, но не потребует жертв, не оставит после себя синяков и сломанных носов. Может, это искусство? Переносить эту бурю на холст, в слова, в музыку? Может, это боль, но иного рода – творческих мук, преодоления себя в иной сфере? Или же тот самый зов, что звучит в глубинах разума, как колокол, в конце концов приведет меня к иной, высшей истине? Память о тех мгновениях врезалась в меня, как клеймо раскаленным железом. Но если я не могу её стереть, не могу вырезать скальпелем, я должен научиться жить с ней. Не как с раной, а как с особенностью. Перенаправлять её яростную энергию. Управлять ею. Приручить зверя, сделав его своей силой, а не своим проклятием.

Но, знаете ли, есть ночи. Особенно темные, ветренные ночи, когда тишина становится громкой, а тени – слишком живыми. В такие ночи мне кажется, что за мной теперь действительно наблюдают. Те самые невидимые зрители с арены, одобрительно взиравшие на мою ярость. Они здесь. В отражении в черного окна. И пусть рассудок, цепляясь за остатки логики, шепчет, что это лишь игра света, лишь тень фонаря, качающегося на ветру, лишь легкий порыв ветра, что касается шторы, заставляя ее колыхаться, – что-то глубоко внутри меня, в самых потаенных глубинах инстинкта, знает: не все так просто. Иногда, в эти же ночи, я слышу странные звуки – не голоса, нет.

Эти звуки нечленораздельные, но их интонация, их ритм пугающе, до мурашек, напоминают рев боевого горна, зовущий в атаку, или далекий рокот толпы на стадионе гладиаторов. Тогда я громко смеюсь, нарочито громко, наливаю чай в чашку до краев и говорю себе, глядя в пустоту: «Нервы шалят!» А потом, невольно, ловлю себя на том, что в зеркале, мое отражение улыбается чуть шире, чем я. И в глазах его – не мои мысли. Его зеленоглазый взгляд пронзительный, смотрящий будто бы прямо в душу, заставляет нутро дрогнуть. Я прямо физически вижу в этом лице только половину себя, один глаз более добрый чем второй. Другая часть лица выглядит злее.

Я все еще не понял, как этим управлять. Поворачивать голову определенной стороной к собеседнику? Или просто прятать лицо, чтобы мои смутные, добрые намерения не спутали со злыми? Эмоции путаются на этом лице, каверкая истинные чувства. А может, их и вовсе нет – лишь набор функций, подражающих человеческому отклику.

И зеркало... Оно стало моим проклятием. Заглядываю в него – и вижу лицо, которое лишь приблизительно мое. Это несоответствие ледяной волной пробегает по спине. Я пытаюсь воспроизвести улыбку осознанно, но отражение упрямо: левый угол рта вздернут выше, обнажая чуть больше зубов, создавая гримасу, балансирующую между приветливостью и насмешкой. Чье это лицо? Мое ли? Или маска, приросшая к коже, живущая по своим законам, где левая сторона отстает, не успевая за намерением, а правая – уже давно переиграла его? Я вновь и вновь касаюсь кончиками пальцев уголков губ, словно могу выровнять невидимые нити, управляющие этой мимической куклой. Истинные чувства? Они теряются где-то в этой щели, между асимметричными линиями улыбки, которую я не могу контролировать.

* * *

Ничего не менялось в нашем маленьком заброшенном мире, пока не наступил конец лета. Неумолимый, как приговор. Через несколько недель, нам предстояло разъехаться. Разлететься, как пух одуванчика, по разным уголкам края, в города, в институты, на работу. Нас ждали другие жизни, другие заботы. Наше временное царство рушилось, посредством отмены самоизоляции и концом пандемии, которую мы провели невероятно хорошо.

Праздные, беззаботные месяцы, прожитые в ритме дня и ночи, труда и гулянок, подошли к своему величественному, немного грустному финалу. И вскоре нам предстояло поки-

нуть это ветхое, но такое родное место – место, где происходили наши бурные, веселые сборища, бесконечные разговоры обо всем на свете – о несбыточных планах, о сложностях жизни, о загадках любви, о смысле бытия под треск дров в костре на берегу озера или на крыльце того самого домика в центре села.

Очередная встреча в большой компании, казалось бы, такая же, как десятки предыдущих – шумная, дымная, наполненная смехом и спорами – вдруг стала для меня особенно желанной, почти сакральной. Последние вечера нашего общего мира. Теперь её, ту самую женщину, которую я полюбил не в момент слабости или тоски, а в час своего внутреннего триумфа, в час обретения силы, я видел иначе. Она была уже не прихотливым наваждением, не объектом желания. Она стала музой. Источником вдохновения. И вдохновение, что рождалось от одного её взгляда, от прикосновения её руки, толкало меня на мысли о подвигах, достойных древнегреческих эпосов – о свершениях ради нее, о покорении вершин, о победах. Она моя Афродита. Она меня погубит. Но как выразить это словами? Как рассказать о буре внутри простыми фразами? Слова казались жалкими, пустыми ракушками на берегу океана чувств.

Дни ускользали, как вода сквозь пальцы – стремительно, неостановимо, оставляя лишь ощущение влаги и пустоты. А с ними утекало, растворялось в прошлом всё, что было в них – смех, споры, тихие разговоры у костра, молчаливое понимание взглядом. Прошлое методично выдувало из памяти лица, голоса, детали, как осенний ветер выдувает сухой песок с плит старого, заброшенного бульвара, обнажая холодный камень.

Но моя память, моя упрямая, цепкая память, была исключением. Она сопротивлялась этому ветру забвения. Я помнил. Помнил не только крупички, обрывки – я помнил каждый штрих, каждую деталь тех дней. Каждый дрожащий жест ее руки, когда она поправляла волосы. Каждую интонацию в ее голосе. Каждое слово, упавшее между строк разговора, каждую паузу, наполненную смыслом. Я не восстанавливал утраченное фантазией, не приукрашивал, как это делают иные, создавая удобные иллюзии. Реальность, жестокая и прекрасная, оставалась при мне – цельной. Потому что чувства не стирались. Они въедались в самую плоть, в душу, как самый стойкий, дорогой парфюм на коже после бессонной ночи – его нельзя смыть, он становится частью тебя. Я носил на себе этот аромат – аромат жажды, страсти, силы, желания, любви – и с каждым днём, с приближением разлуки, он становился только крепче, насыщеннее, как крепчает огонь в закрытом камине, когда подбрасывают сухих дров.

Энергия, живущая во мне – нечеловеческая, дикая, почти животная, та самая, что вырвалась в драке – не утихала. Напротив, она разрасталась, питаемая близостью разлуки и интенсивностью чувств к Насте. Она превращалась во что-то чуждое мне прежнему: не просто грубую силу, а силу с намерением. С целеустремленностью. Она становилась агрессивной не физически, а экзистенциально. Требовала выхода, применения, направления.

И я начал бояться. Боялся не самих чувств к ней – нет, их я ждал, как изголодавшийся путник ждет дождя в засуху. Я боялся того, что происходило внутри меня. Той темной энергии, которая росла параллельно светлому чувству. Боялся того, что не мог объяснить рационально, что ускользало от понимания – а ведь это и есть истинная, самая глубокая природа страха. Страх перед неизвестным в самом себе.

Постепенно, капля за каплей, как яд, накапливалось ощущение, что та самая новая, жестокая личность внутри меня, та, что шепчет по ночам о крови и власти, стала тяготить меня. Мои проявления жестокости в мыслях, нарциссизма, чувства превосходства – всё то, что прежде, в пьяном угаре после драки, казалось блистательным оружием, доспехами победителя – стало тускнеть, покрываться паутиной сомнения, как ржавеющий на сыром воздухе металл. Блеск сменился уродливой коррозией. Но чудовище внутри – не спало. Оно не исчезло. Оно ворочалось в глубине. Как огромный червь, завившийся в самой сердцевине души, оно шевелилось, щекотало нервы навязчивыми, темными мыслями, требовало выхода – не тихого, а с воем боли, с треском ломающихся костей, с крушением миров. Разрушить – вот чего оно

хотело по-прежнему. Разрушить невинность, разрушить покой, разрушить эту хрупкую красоту, что зрела между мной и Настей.

Тем временем, в один из этих уже зреющих, наполненных предчувствием дней, готовилось нечто масштабное. Событие, ради которого мы хлопотали не один десяток дней, откладывая деньги, припасая выпивку, придумывая программу – прощальная вечеринка. Последний шумный сбор перед расставанием. Собиралась толпа – не только наша тесная компания, но и родные, близкие, знакомые и полузабытые приятели детства, все они стекались в тот самый старый дом, как реки в море перед бурей. Людей стало, в какой-то момент, больше, чем мог вместить дом. А дом наш был всё тем же – старой, покосившейся избушкой, кренящейся вбок от старости и бесконечных ветров, дующих с полей.

Но с каждым часом, по мере наполнения людьми, приготовлениями, ожиданием праздника, она становилась всё больше похожей на живое, дышащее существо.

Как будто в её деревянной, потрескавшейся груди забилося спящее до поры сердце. В те последние месяцы, в тот короткий, но такой насыщенный промежуток времени, когда на ее скрипучих половицах снова зазвучали шаги, звонкий смех, когда по вечерам играли на гитаре, открывали бутылки согревающих душу напитков под мерцание гирлянд – дом оживал. Просыпался ото сна. И чем ближе был день прощальной вечеринки, к которому мы так готовились, тем больше жизни, тепла, пульсации чувствовалось в её стенах, на скрипучем крыльце, где курили, во дворе, где вдруг, словно по волшебству, снова пробилась сквозь щебень молодая трава, где зацвели заброшенные кусты буддлеи, будто прощаясь с нами ароматом.

Этот дом, как и я, кажется, знал, чувствовал всеми своими щелями и балками, что всё это – смех, музыка, любовь, сама эта жизнь – скоро исчезнет. Уйдет, как вода в песок. А потому жил в эти последние дни – жадно, отчаянно, в последний раз, как умирающий, вдохнувший полной грудью пьянящий воздух весны и понявший всю ее прелесть лишь перед концом. Он выпитывал каждый миг.

– Дом – это не место, не стены и крыша, – сентиментально, с непривычной для себя мягкостью сказал я однажды вечером, тихим голосом, в кругу своей дружной компании, глядя на огонь костра. – Дом – это люди, которые рядом. Вот что главное.

День клонился к закату. Солнце, огромное и багровое, опускалось за темную линию леса, разрезая небо кровавыми прожилками облаков, будто предвещая что-то недоброе. Воздух стал прохладным, прозрачным, наполненным запахами пива, вина, сигаретного дыма.

Я, стоял у деревянных, шатких перил крыльца, спиной к остальным, к шуму и свету, доносящимся из избы, курил, вглядываясь в выцветающий, угасающий горизонт. Пальцы крепко сжимали сигарету, как будто через неё, через этот тлеющий уголек, пытался удержаться за остатки уходящего лета, за ускользящее время. Позади послышались шаги – тяжелые, уверенные. Игорь, бывший одноклассник, имеющий способность вызывать чувство испанского стыда своими шутками, подошёл, поставил бокал терпкого, домашнего, искусно забродившего винограда на грубо сколоченный столик и сел рядом на скамью, опершись локтями на колени. Его лицо было серьезным.

– Ты сегодня будто не с нами, – сказал он, не глядя на меня, а уставившись куда-то в темнеющий сад. – Весь вечер какой-то отрешенный. Опять мысли о дороге? О том, что завтра разъезжаемся?

Добрая сущность, светлая часть моей души, изливается тихой радостью и любовью к этим вечерам, к этим людям. Желание оберегать их, видеть вечно их лица, озаренные смехом, – словно в древних мифах о Вальгалле, где пиршествует вечная радость, – является мне в мигах покоя. Будь то погружение в беседы о грядущем, совместные уборки в нашем общем доме или неспешные прогулки по улочкам родного села. Ничто не должно угрожать их жизням, этому хрупкому спокойствию и чистому смеху. Я готов встать на защиту этого мира, этого ощущения безмятежности, даря его ценою собственных сил, жертвуя собой ради сохранения их сияния.

Но не только защитником живет эта добрая сущность. Она же – садовник, видящий в людях не недостатки, а особенности, причудливые узоры их уникальности. Эта часть души не стремится исправить или подогнать под мерку ожиданий. Напротив, она находит особую прелесть в этих неровностях характера, в этих неожиданных поворотах мысли и поступка. Она учит меня принимать людей такими, какие они есть, целиком и полностью, с их странностями и противоречиями. Ибо что за скучный, безликий сад получился бы из человечества, будь все мы лишь безупречными копиями некоего идеала? Где тогда было бы место неожиданной шутке, рожденной иным взглядом на мир? Где – теплота прощения, когда оно так необходимо? Где – уроки, которые преподносят нам те, кто мыслит и чувствует иначе? Она находит красоту в несовершенстве, силу – в уязвимости, мудрость – в прожитых ошибках. Она понимает, что именно пестрота человеческих характеров, их причудливое сплетение и создает ту неповторимую ткань жизни, ту подлинность, что делает наши встречи и вечера столь драгоценными. Видеть человека – настоящего, без масок и притворства, со всем его внутренним ландшафтом, – и любить его именно таким: вот истинная радость, которую дарит эта часть моей души. Она не защищает от угроз извне, но оберегает само право каждого быть собой, сиять своим, пусть и не всегда ровным, светом. Принять эту уникальность – значит принять саму жизнь во всем ее богатстве и непредсказуемости.

Я медленно выдохнул струюку дыма, словно отвечал не словами, а этим жестом, этим облаком, растворяющимся в прохладном воздухе. Потом тихо произнёс:

– Праздные дни заканчиваются. Вот и всё. Вечера у костра, эти бесконечные разговоры ни о чем и обо всем сразу... смех до слез... всё это скоро станет воспоминанием. Картинкой в альбоме. А я... я не готов к этому. Я не готов уезжать, заканчивать наши тусовки. Хочу ещё немного... хоть чуть-чуть... остаться в этом пространстве. Где всё просто, где всё настоящее, живое. Где нет этого... давления будущего. Где мы – просто мы.

Игорь только кивнул, тяжело, давая понять, что слышит, что понимает – и при этом не хочет углубляться в эту тоску, боясь утонуть в ней самому. Но я, раз начав, уже не мог остановить поток, начал говорить вслух то, что долго жило внутри, гнетущим грузом.

– Особенно теперь... – его голос стал мягче, почти чужим, задушевным. – Особенно теперь... когда появилась она. Я не влюбился не из-за слабости, наоборот, сейчас я в самом нужном моменте, чтобы делиться с близкими всем без остатка. Сейчас, в этот момент, я чувствую себя... цельным, здоровым. В самом нужном моменте, чтобы открыться, чтобы делиться с близкими всем без остатка. Душой, и с ней я готов делиться всем – Я умолк, словно испугался собственных слов.

Игорь слегка усмехнулся, хотя глаза его оставались серьезными, даже грустными.

– Поэтично, брат. Очень. Но ты же знаешь себя. Знаешь свою натуру. Ты не из тех, кто надолго задерживается в одном месте, в одном чувстве, в... постоянстве. Ты – ветер. Свободный и неудержимый. – Он посмотрел прямо на меня. – А Настя... она не ветер. Она – что-то другое. Постоянное. Как земля.

– Вы оба снова застряли в своих тяжелых рассуждениях, – прозвенел вдруг женский голос. Анастасия вышла из дома во двор, закутавшись в легкую шаль. Ее золотистые волосы отсвечивали в последних лучах солнца. – Хватит копать в будущем и прошлом! Может, просто побудем здесь и сейчас? В этом моменте? Пока он еще наш.

– Не подслушивай, – пробормотал я, но беззлобно.

– Пойдем в дом, – настаивала она, поеживаясь. – Тут уже холодно. И вас там потеряли. Без вас скучно.

Мы неспешно, словно нехотя, двинулись обратно в дом. Я пропустил Игоря вперед, а сам задержался с ней на мгновение в полутьме сеней, пока Игорь шагнул в освещенную гостиную, где гремела музыка и смех.

В тесном пространстве, пахнущем старым деревом и мокрой землей с подошв, я сделал шаг вперед, преграждая ей путь. Одной рукой взял её за талию, а другой – ее ладонь. И мы замерли. Неподвижно. Будто в самом начале танца, в паузе перед первым шагом, забыв о свете, льющемся из двери, о дыхании, о том, что за стенами дома ещё идет жизнь, звучат голоса. Всё вокруг замерло, как на сцене в театре, когда луч прожектора бьёт одним ярким пятном на двух актеров, а время складывается в беззвучную, напряженную арку ожидания.

Я наклоняюсь к её уху, медленно, очень медленно, с таким расчетом, будто приближаюсь не просто к женщине, а к святыне, к чему-то хрупкому и невероятно ценному. Тонко, почти беззвучно, как ветер скользит меж шелковых занавесок, произношу слова, которые родились сами, из темноты и желания:

– Скажи... Ты хочешь, чтобы я ценил твою свободу, или хочешь в мой плен?

Её зрачки расширились, поглощая радужку, и в них сверкнул испуг – чистый, первобытный, – мгновенно перемешанный с волнением, с азартом. Она не отводила взгляда, словно загипнотизированная, забыв, как можно моргать, как можно прятаться, отворачиваться. Она знала, что сказать. Чувствовала ответ где-то внутри. Но молчание – это тоже выбор. Красно-речивый выбор. Оно длилось, казалось, вечность, как пауза в симфонии перед кульминационным взрывом оркестра. Было слышно только наше дыхание – ее частое, мое сдавленное.

И вдруг – еле слышно, почти не касаясь воздуха губами, только шелест, она прошептала, глядя мне прямо в глаза:

– Я... вся твоя.

И только тогда, после этих слов, уголки её губ дрогнули и приподнялись в едва уловимой, загадочной улыбке, как цветы, поймавшие первый луч солнца сквозь утренние тучи. Но волнение не ушло. Оно не растворилось. Оно сжалось в ней, сконцентрировалось, как в птице перед первым, решительным взмахом крыльев, перед полётом в неизвестность. Я медленно, очень осторожно притянул её ближе, аккуратно, будто прикасался к пороховой бочке, к чему-то, что могло взорваться от одного неверного движения. И припал к её губам. Поцелуй был медленным, почти мучительным в своей сдержанной нежности. Исследующим. Обещающим.

Её рука скользнула с моего плеча по щеке, задержалась у скулы, пальцы коснулись виска – и в этот момент я почувствовал, как всё моё тело натянулось, как тетива лука, будто каждая мышца, каждая клетка зазвучала своей отдельной, вибрирующей нотой в унисон с ней. Я стал сильнее, увереннее, тверже. Как будто её прикосновение, её ответ были тем самым магическим эликсиром, который заставлял мою кровь кипеть с новой, невиданной силой, но теперь это кипение было направлено не на разрушение, а на обладание, на защиту, на созидание этой близости.

А в ней, наоборот, под воздействием поцелуя, всё становилось беспорядочным, стихийным. Ее движения потеряли плавность, стали резче, порывистее, как у человека, идущего в потёмках: наощупь, интуитивно, страстно, без оглядки. Страсть и нежность, будто только что родившиеся в этом поцелуе, ещё не окрепли, не обрели формы, и мы учились ими владеть – нелепо, неуклюже, но искренне, как подростки, впервые трогающие струны гитары, издающей непонятный звук. Мы были первопроходцами в стране друг друга.

Руки скользили – уже не сдерживаясь – по одежде, по голым, прохладным предплечьям, по шее, по линии ключиц, пытаюсь коснуться самой сути, самой сердцевины притяжения. Мы были обезоружены этим чувством. Цивилизация – условности, стыд, страх – отступила. Мы – животные, забывшие всё на свете, помнившие только один древний инстинкт: узнать друг друга, раствориться, прожить этот миг так, будто он последний.

Я никогда не целовал женщину с такой отдачей, с такой глубиной. Мой язык – влажный, тёплый, настойчивый – творил движения, какие, казалось, были даны только во снах или в древних мифах: то нежными спиралями, исследуя, то резкими, властными рывками, завоеывая, то мягкими, щупальце подобными прикосновениями, как у осьминога, играя с её ритмом

дыхания, с её пульсом, ускоряющимся под моими пальцами. Это был язык не тела и даже не взгляда – это был язык чистой нерасшифрованной дикой страсти. Диалог без слов, где каждое движение – фраза, каждое прикосновение – вопрос и ответ. Мы на миг оторвались, вынужденно, чтобы вдохнуть воздух. И глянули друг на друга – удивлённые глубиной пережитого, обессиленные этим накалом, загипнотизированные силой, что возникла между нами.

– Вау... – прошептала она, и в этом коротком слове был весь восторг, весь шок, вся новизна ощущения.

И в этот миг, без слов, мы оба поняли, что произошло нечто. Нечто фундаментальное, переломное. То, что нельзя описать словами, что можно лишь чувствовать кожей, сердцем, каждой клеткой. Но что можно – и нужно! – повторить. Снова и снова. И пока была такая возможность – пока мы были здесь, вместе, в нашем старом доме, в нашем уходящем мире – мы должны были вновь и вновь нырять в это ощущение, как в глубокий, темный, манящий омут, не думая о берегах.

Нежность, страсть и удивление смешались в нас, будто в стеклянном флаконе алхимика, полном чего-то химически сладкого, биологически необъяснимого, магически притягательного. Мои чувства не сливались в единый, неразличимый коктейль. Наоборот, как слоеный торт, они чередовались в моей душе с четкостью метронома: волна нежности – всплеск страсти – удивление от этой силы. И это приятное, захватывающее чередование удивляло и радовало меня. Сердце билось не просто часто – энергично, по-спортивному, мощно, каждый толчок был сильным и уверенным, как удар молота о наковальню, выковывающий что-то новое. В этом поцелуе, в этом слиянии, мы обменивались собой самым прямым образом – гормонами, жаром, желанием, чистой эйфорией бытия здесь и сейчас. Да, это был «всего лишь» поцелуй. Но его интенсивность, его глубина были таковы, что я подумал с легким ужасом и восторгом: что же будет дальше? Со мной? С ней? Куда заведет нас эта дорога, начавшаяся так страстно?

И тут – резко, грубо, как удар топора по стволу тишины – откуда-то из глубины коридора, ведущего в дом, послышались шаги. Тяжелые, мужские. Приближающиеся. Чёткие, нарочито громкие, тревожные, как удары сердца, застучавшего в панике после внезапного страха. Кто-то шел к нам.

Последнее прикосновение губ – быстрый, испуганный, почти невесомый – было будто задержкой дыхания перед нырком в ледяную воду, перед смертью. Она молча, резко отвернулась, ее глаза блеснули испугом. И, не глядя на меня, спеша, почти побежала в другую комнату, растворяясь в полутьме. Желание, прерванное на самом пике, не угасло – оно стало только острее, невыносимее. Я хотел увидеть её снова, немедленно, схватить, прижать, продолжить...

И всё вокруг – гул разговоров из гостиной, мелькающие лица в дверном проеме, даже знакомые стены – мгновенно потеряли очертания, стали плоскими декорациями, больничными, стерильными, с размытыми силуэтами, напоминающими людей в белых халатах, и далекими шепчущими голосами, как в каком-то абсурдном театре отчуждения. Реальность отступила, оставив только пустоту и жгучую потребность в ней.

Только она одна осталась настоящей в этом внезапно обесцветившемся мире. Как единственная яркая картина, вырвавшаяся из пыльного чёрно-белого альбома старых фотографий и разлившаяся по всей комнате, по всему моему сознанию, всеми возможными красками человеческого чувства, желания, страсти. Зависимость. Это было именно оно. Теперь она была мне нужна. Как воздух. Как вода. Всегда.

В тот вечер прощальной вечеринки, после того поцелуя в сених, между мной и Настей словно опустилась тонкая, невидимая вуаль – прозрачная, но всё же ощутимо отделяющая. Невидимая стена. Я больше не оставался с ней наедине. Не потому, что не хотел – Боже, как я хотел! Желание было почти физической болью, жжением под кожей, – а потому что почувствовал: она тоже, как бы между прочим, невзначай, начала прятать глаза, отводить взгляд в сторону, когда наши взгляды случайно встречались. Как будто не хотела, чтобы кто-то – а может

быть, и я сам – увидел, что на самом деле происходит у нее внутри после того поцелуя. Увидел ее страх, сомнение, раскаяние или наоборот слишком сильное чувство, которое пугало ее саму.

Она берегла свою тайну, свою внутреннюю бурю, не позволяя чувствам выплеснуться наружу, за пределы этой невидимой вуали. Словно играла сложную роль, в которой загадка, недосказанность были главным украшением, оберегом. И я... Я увяз в этих мыслях, как в тёплом, но густом мраке болотной воды: а вдруг всё это – просто игра для нее? Мимолетная вспышка желания? Момент слабости, за которым ничего не следует? Никакого будущего? Или, наоборот, – за которым следует всё, Вся жизнь. Все решения, все перемены, к которым я, возможно, был не готов? Эта неопределенность терзала меня.

Остаток вечера мы провели, как всегда, как будто ничего не произошло. Играла музыка, лилось вино. Разговаривали легко, непринужденно, смеясь над глупостями, перебрасываясь историями, словами, от которых не оставалось глубокого следа. Обо всём и ни о чём: о том, как быстро испортилась погода, о новом дурацком фильме, о смешном случае с соседским козлом, – будто бы полчаса назад не случилось то, что должно было, по идее, навсегда изменить нас и оставить неизгладимый отпечаток в душе. Ни один из нас не выдал себя ни взглядом, ни интонацией, ни случайным жестом. Мы были виртуозами притворства. Но в каждом её движении – в том, как она поправляла волосы, в том, как брала бокал, – в каждом моём слове, в каждой шутке, прятался отголосок произошедшего. Напряжение. Незримое, но осязаемое, как натянутая до звона струна, готовая лопнуть от одного неверного прикосновения.

Она была такой же – свободной, легкой, будто ветер сам выбирал её походку, нес по жизни. Своенравной, живой, как луч солнца, пробившийся сквозь пыльное окно нашей избы и упавший на пол. У неё были эти длинные, пышные волосы цвета спелой пшеницы – светло-золотистые, будто пришедшие из другого времени, из детской сказки, из вечного лета. И глаза – большие, яркие, подведённые тонкими, точными стрелками, от которых они становились ещё более выразительными, ещё более смеющимися, еще более непостижимыми. Она смотрела на других, смеялась над шутками – и в этом взгляде было солнце. Но не то ласковое, согревающее, а то, что слепит. Слепляет. Я ловил себя на том, что не могу оторвать от нее взгляд, не могу отделить себя от её образа, вставшего между мной и реальностью. Она сидела рядом на диване, слегка наклонялась ко мне, чтобы что-то сказать над шумом, ее рука иногда касалась моего плеча – и каждый её жест, каждое мимолетное прикосновение было как удар тока. Но настоящего прикосновения, того, что было, не было. И, может быть, именно поэтому я чувствовал её сильнее, острее, чем когда бы то ни было раньше. Она была рядом и недостижима одновременно.

Этот вечер, несмотря на всю его шумную веселость, закончился даже слишком быстро. Словно кто-то невидимый, жестокий режиссер, оборвал плёнку, на которой только-только начинала проявляться, накручиваться наша общая история. Но внутри, в самой глубине, осталась дрожь. Дрожь недосказанности. Будто что-то очень важное не успело случиться, не успело сказать себя до конца, раскрыться полностью. И это «не успело» гудело в груди, как навязчивый, глухой звон в ушах после громкого выстрела в пустой комнате – напоминание о нарушенной тишине, о нереализованной возможности.

Та сила, что разбудилась во мне тогда, и что подпитывалась близостью Насти, была подобна дикому, голодному зверю, вырвавшемуся наконец из вековой спячки темницы. Она толкала меня вперёд по жизни, безжалостно ломая прежние, мелкие страхи – страх неудачи, осуждения, будущего. Она делала меня жёстче, прямолинейнее, почти бесчувственным ко всему, что когда-то пугало или сковывало. В этом новом, не до конца понятном даже мне самому обличье, я шел по жизни, как будто закованный в невидимую броню уверенности и силы. Но внутри этой брони, в самом ее сердце, шевелился иной страх – не внешний, а внутренний, глубинный. Страх самой этой трансформации. Всё происходило слишком стремительно и неконтролируемо: я еще не успел осознать, понять себя прежнего, как уже перестал быть им.

Новая сила, новый «я» еще не стали по-настоящему моими, я не успел к ним привыкнуть, а они уже подчинили мою волю, мои поступки.

И вот... Настя. Она коснулась не кожи, не тела – а самой сути, самого сердца этого нового, необъятного «я». И тогда в этом сердце, в этой броне, что-то треснуло. Без предупреждения, без видимых причин. Необъяснимо. Я вдруг с ледяной ясностью осознал страх потерять её – ещё до того, как она по-настоящему стала моей. Этот страх был непривычным, чужим, почти болезненным. Он не был связан с ревностью или недоверием, он был сродни ужасу, который испытывает великан, внезапно осознавший, что держит в своих огромных, грубых ладонях не камень, а хрупкую, невероятно прекрасную фарфоровую статуэтку. Одно неловкое движение, чуть больше силы – и она разобьётся вдребезги, рассыплется невосполнимой пылью. И виноват буду только я. Моя сила. Моя неловкость. Поэтому я аккуратно берег ее, несмотря на то что она сказала «я вся твоя».

Я по-прежнему внешне выглядел собранным, холодным, почти непрístupным. В моих жестах не было ни дрожи, ни неуверенности, в голосе – ни единого намека на тревогу или сомнение. Я был скалой. Но внутри меня, под этой каменной оболочкой, уже началось расслоение. Я видел себя двойным отражением в кривом, искажающем зеркале: один отраженный – тот, кто боится своей новой, необузданной силы, боится сломать хрупкое счастье; другой – тот, кто боится потерять саму эту силу, вернуться в состояние слабости и неопределенности, если поддастся «слабости» чувств. Боялся стать прежним.

Я был ареной, полем битвы, на котором сталкивались непримиримые противники: свет и тень, нежность и ярость, инстинкт защиты и инстинкт разрушения. И между ними, как хрупкое, трепещущее пламя свечи на сквозняке – она. Которая в конце концов, не выдержав этой внутренней борьбы во мне, этой непонятной для нее смены настроений, этой брони, за которой она не видела настоящего человека, отвергла меня. Не приняла меня целиком, подозревая во мне лишь борьбу эгоизмов, которую она приняла за неуверенность в ней самой, в наших чувствах. Она увидела не любовь, а сомнение. И ушла. Во мне, в ответ на эту потерю, проснулось безумие отчаяния. Сожаления, что я не поступил решительнее, не схватил ее и не унес с собой, не объяснил, не снес эту стену. Мысли о неизбежной и теперь уже окончательной разлуке парализовали последние остатки решимости. И мы попрощались. Холодно. Коротко. Навсегда. Две параллельные линии, едва соприкоснувшись, разошлись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.